

творчеством китайских и японских мастеров приводило к тому, что в самостоятельных произведениях поэта звучали органично и ненавязчиво элементы восточной эстетики: «Хотелось бы пожить подольше / На берегу восточной бухты, / И разбить одним ударом / Незащищенный панцирь краба, / И для единственного друга / Смолить ночами плоскодонку» (Камни преткновенные. С. 27).

Сам К. так выражает собственное творческое и жизненное кредо: «...по самому ремеслу своему поэт суть Агасфер и Летучий Голландец, блуждающий в эстетическом мареве того же смятения, суесловия и тщеславия» (Автобиография. С. 289).

Постепенно усиливается интерес поэта к древнерусской житийной и, шире, православной лит-ре. Изучив произведения минувших столетий, он выступает с лит. мистификацией: объявляет себя переводчиком и толкователем пророческих, проповеднических и критических текстов «забытого автора XVI века Епифания Пустынника». К. представляется первооткрывателем неизвестного поэта и его сочинения «Отреченная Псалтирь» — книги с явно выраженным еретическим уклоном. Сам он выступает автором переложения древнего текста на совр. русский яз. Состоит оно из 27 частично сохранившихся псалмов-камней, поэтому К. называет их вкуче со своим «упреждением» и комм. «Камни преткновения». Работа эта продолжалась, по свидетельству автора, с 1987 по 1990.

Мистификация была выполнена на столь высоком уровне языковой, философской и религиозной проработки, что даже ведущие специалисты по древнерусской лит-ре приняли ее за переложение реально существующего древнерусского памятника. Между тем в самом звучании выдуманного апокрифа слышится стилистика совр. поэта: «Но мысль усопшая ужели не воскресла?.. / блудница, распоясавшая чресла, / тварь, пожирающая собственный послед, / ужимка дьявола и похоть серафима!.. / (и дух, сказал бы я, козла Трофима, / столь неподверженный влиянию планет!)» (Камни преткновенные. С. 172).

К. выступает и как критик, посвящая ряд статей совр. поэзии: «Уже не переходный возраст» (Лит. учеба. 1986. № 5), «Обращение» (Лит. учеба. 1991. № 3); «Дар равновесия Александра Романенко» (Лит. Россия. 2000. № 44), творчеству поэтов Владивостока (Дальний Восток. 1998. № 2). В 1995 К. обратился с открытым письмом к редактору газ. «Русская мысль» И. Иловайской, в котором призвал не отожд-

ествлять политические и метафизические истоки трагедий еврейского народа.

В 1990-х происходит поворот К. к духовно-религиозным проблемам (и в творчестве, и в преподавании богословских дисциплин, он становится старшим преподавателем кафедры теологии и религиоведения Ин-та истории и философии ДВГУ). В эти годы появляются новые стихотворные подборки, эссе. В книгу К. «Камни преткновенные» (1999) вошли лирика, поэма «Камни преткновенные» и избранные философские статьи и эссе поэта, среди которых «Слово о Светлом Воскресении», «Слово о православии как причине единственно возможной живой цельности мира видимого», «„Не видит премудрость в душу злохудожну...“ (Пушкин: поэтический путь духовного служения)», «Христианство и русская словесность в зеркале японской культуры» и др.

В книге К. так поэтически выражает свой духовный путь: «...Внимая злу языческих стихов, / плененный остывающей минутой... / И я вкусил от их небесной смуты / я, Божий раб Георгий Кабанков».

К. известен как переводчик: в 1991 в Москве вышла книга переводов К. белорусского поэта Л. Дранько-Мойсюка «Проза радости».

В 2002 К. выдвинут на Пушкинскую премию (Германия). Член Русского ПЕН-центра. Живет во Владивостоке.

Соч.: Кто служит ветром... М., 1986; Разговор. М., 1987; Третье искушение (О несмирении власти) // Дальний Восток. 1995; Камни преткновенные. Владивосток, 1999; [Стихотворения] // Любимые дети Державы. М., 2002. С. 290–314; [Автобиография] // Любимые дети Державы. М., 2002; Апология искупления: Симонов монастырь в судьбах русского православия. Максим Грек // Дальний Восток. 2003. № 1. С. 18–195; Белая вежа: Стихотворения / соавт. Л. Дранько-Мойсюком. Владивосток, 2004.

Лит.: Лебедев Е. ...Куда ж теперь стопы свои направим? // Лит. учеба. 1989. № 3. С. 8–86; Тыцких В. Приближение к Юрию Кабанкову // Лит. Россия. 2000. № 34. 25 авг.; Пермякова И. Заложник в битве тьмы со светом: О поэзии Юрия Кабанкова // Дальний Восток. 2001. № 7/8. С. 267–270; Баранова-Гонченко Л. Поймите лишь, каких носители вы сил! // Любимые дети Державы. М., 2002.

С. М. Казначеев

КАВЕРИН (настоящая фамилия Зильбер) Вениамин Александрович [6(19).4.1902, Псков — 2.5.1989, Москва] — прозаик.

В. А. Каверин

Родился в семье военного музыканта, капельмейстера полка. Уже в отроческие годы большое влияние на К. оказал Ю. Н. Тынянов, также живший и учившийся в Пскове и женившийся на старшей сестре К. В свою очередь К. женился на младшей сестре Тынянова. К. учился в псковской гимназии, в 1919 уехал в Москву, окончил там среднюю школу и поступил в ун-т на историко-филол. ф-т, пробовал в это время свои силы как поэт. В 1920 К. переехал в Петроград, поселившись первоначально у Тынянова. Он учится на филол. отделении ун-та и параллельно на арабском отделении Ин-та живых восточных яз. Став одним из победителей конкурса Дома литераторов на лучший рассказ, К. увлекся прозой и вскоре вступил в организовавшуюся в это время лит. группу «Серапионовы братья» (И. Груздев, М. Зощенко, Вс. Иванов, Л. Лунц, Н. Никитин, Е. Полонская, М. Слонимский, Н. Тихонов, К. Федин). Группа настаивала прежде всего на своих дружеских связях и действительно сохраняла их, отмечая ежегодно дату своего рождения — 1 февр. 1921 — вплоть до 1960-х. В 1923 К. окончил Ин-т восточных яз., в 1924 — ун-т., оставшись в нем в аспирантуре. Одновременно К. преподавал в Ин-те истории искусств. Главным итогом филол. работы К. явилось исследование о русском писателе, журналисте и востоковеде XIX в. О. И. Сенковском «**Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского**» (Л., 1929).

В рядах «Серапионовых братьев» К. занял вместе с Лунцем самый левый, «запад-

ный» фланг, отстаивая принципы динамичной, изящно построенной «сюжетной» прозы. На другом фланге были «орнаменталисты», занятые «местным колоритом» и «плетением словес». Споры носили преимущественно теоретический характер. Речь у «серапионов» шла об общем деле создания новой культуры. Сообща они сделали мало, но лит. судьба каждого отдельного «серапиона» состоялась. Дьяволы и прочая романтическая нечисть, населявшие раннюю прозу К., много говорят о его лит. мечтаниях, но реальная задача перед ним встала иная: «поиски героя», как определил ее для себя и для всех «серапионов» Тихонов. От романтического самопогружения к реалистическому самопознанию — такова оказалась писательская эволюция К.

Для прозаика профессиональную лит. жизнь К. начал удивительно рано — в 21 год он уже выпустил сб. рассказов «**Мастера и подмастерья**» (1923). Не одному Шкловскому казалось, что К. «научился слишком легко», и не один Юрий Олеся ему говорил: «Зачем вам писать? Ведь вы уже научились». Однако сам К. достаточно быстро понял, что учиться нужно гораздо более существенным вещам, чем «сумма приемов»: нужно было пройти ту школу «...самоизучения, которую создал для себя Толстой, прежде чем была написана первая строка „Детства“», — размышлял писатель в поздние годы. Такой «школой самоизучения» стали для К. первые же его крупные вещи — романы «**Скандалист**» (1928) и особенно «**Исполнение желаний**» (1935–1936). В главных персонажах обоих романов — студентах Нагине и Трубачевском — без труда распознается авторское лицо. Наибольший читательский успех К., связанный с созданием «**Двух капитанов**» (1939–44), определился как раз удачной разработкой образа главного героя романа — Сани Григорьева, разыскивающего затерявшиеся следы русской арктической экспедиции. В этом романе свой внутренний опыт прозаику удалось воплотить в образ нужного эпохе романтика действия, а не одной лишь мечты.

Какие бы произведения К. ни рассматривать — ранние: «Скандалист» и «Исполнение желаний», поздние: «**Открытая книга**» (1950-е) и «**Двойной портрет**» (1963–66) или «подводящие итоги» «**Перед зеркалом**» (1965–70) и «**Эпилог**» (1979) — их сюжетные задачи неотделимы от глубоко нравственной основы замысла, и условия этих задач едины: конфликт между персонажами, сумевшими сберечь в себе молодость,

и теми, кто ее из души вытравил. Чем бы ни разрешалась эта коллизия (часто она оборачивается трагедией для обеих сторон), К. нигде не подвергает сомнению присущий молодости этический максимализм. Это, можно сказать, императив его прозы. Тема К.— это тема исполнения долга, предначертанного человеку с младенческих лет, тема борьбы людей доброй воли против несправедливых условий человеческого существования, против тех, кто при любых условиях извлекает для себя корыстную выгоду.

Не только в худож., но и в мемуарной прозе, занимающей очень существенное место в его работе 1960–80-х («**В старом доме**», «**Петроградский студент**», «**Освещенные окна**», «**Вечерний день**», «**Письменный стол**» и др.), К. делает героями лишь тех людей, кто, по его мнению, был рыцарски предан своим идеалам и бескорыстно им служил. Эта благородная черта априорно объединяет в глазах писателя таких разных художников, как Тынянов и К. Г. Паустовский, Зощенко и Н. А. Заболоцкий, А. П. Гайдар и Е. Л. Шварц...

Лит-ра для К.— это работа, профессия, освоенная в юности и ставшая судьбой. В ней много от праздника, от игры; и вряд ли правы критики, переводившие писателя в разряд ангажированно молодежных (в добрую минуту), тем более в разряд «формалистов» (в минуту злую). Праздничное отношение к своему делу, не исчезнувшее у К. с годами, отозвалось особой светлой тональностью на всем, что он создал. «Ощущение чистоты, соединяющееся с полной душевной занятостью», о котором написано в романе «Перед зеркалом», является камертоном ко всей работе писателя и свидетельствует о его мудрости, а не об инфантилизме. Отсюда же та неожиданная увлекательность, с которой он рассказывает о вещах для многих непонятных и скучных: о ежедневном труде филологов, биологов, о кабинетной науке. Всем понятна и нескучна доминирующая коллизия его прозы, вопрос о цене, которую человек платит за торжество справедливости, полнее всего рассмотренный в «Двух капитанах».

Необходимо противоречивая природа худож. философии К. зиждется на понимании исторической обусловленности катаклизмов в общественной жизни, на приятии разрушающей эту жизнь революционной стихии и в то же время на признании безусловной ценности отвергающей перевороты просветительской доктрины. «...Я инстинктивно стремлюсь (и всегда стремился) к задаче Просвещения,— признавался писатель на склоне

дней,— и не моя вина, что из этого до сих пор ничего не выходит. Положение даже ухудшилось за последние шестьдесят лет. Но идол Просвещения всегда будет стоять перед глазами подлинных литераторов...» Просветителем достойно быть в любые времена, в любой ситуации. Это убеждение помогло К. без унижений прожить самые опасные для русской лит-ры годы, когда многие близкие ему люди исчезали без следа. На эту тему написан изданный только через 10 лет после создания «Эпилог» (1989). В нем, в частности, рассказано, почему К. вынужден был покинуть Ленинград вскоре после начала войны, во время уже начавшейся блокады. Хотя он работал военным корреспондентом ТАСС, это не избавило его от настойчивых домогательств со стороны Управления ленинградским НКВД. По счастливому стечению обстоятельств К. удалось перевестись в Москву и быть командированным на Северный флот. Впечатления от этого периода жизни легли в основу романа «**Наука расставания**» (1985). В 1947 К. окончательно переезжает в Москву, продолжая, по его собственным словам, «считать себя ленинградцем». В поздние годы он жил в основном в писательском пос. Переделкино под Москвой, давая о себе знать не только своими произведениями, но и выступлениями в защиту культурных свобод и гонимых художников. Общественный резонанс вызвала его речь на Втором съезде СП (1954), в которой он «реабилитировал» историческую прозу Тынянова и драматургию М. А. Булгакова. К. принял активное участие в создании и издании сб. «Лит. Москва» (1956), ставших заметным явлением культурной «оттепели». Известны его выступления в защиту А. И. Солженицына, А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, а также доклад «Насущные вопросы литературы» (1967), предназначенный для IV съезда СП (произнести его не удалось, а напечатан он был лишь в 1971 за границей — в ФРГ). В последние 2 года жизни К. помогал созданию и изданию альм. молодых писателей «Весть» (1989), в котором, в частности, была напечатана ставшая знаменитой «поэма» Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки».

Худож. слово, по К., противостоит злу и отвергает его. Изнутри оно оборачивает к борьбе душу самого писателя. На эту тему К. начал размышлять еще в романе «**Художник неизвестен**» (1931) — наиболее интересном с эстетической точки зрения произведении довоенного периода. Профессия писателя не только «накладывает отпечаток» на его личную жизнь — она изменяет и направляет ее течение, с неумолимой последо-

вательностью раскрывает его человеческую биографию, его судьбу.

К. начал поиски истины из романтического далека и понял: «Все прекрасное и редкое и трудно». Но понял он и нечто не менее существенное. Перефразируя Б. Л. Пастернака (его и Солженицына писатель считал самыми непостижимыми из своих современников), К. сказал о книге своего лит. собрата: «Он написал ее, чтобы показать, что истина — рядом, на земле, под ногами, и для того, чтобы ее найти, надо только наклониться».

Соч.: СС: в 6 т. М., 1963–1968; СС: в 8 т. М., 1980–83; «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...» М., 1965; Самое необходимое. М., 1987; Литератор. М., 1988; Счастье таланта. М., 1989; Над потаенной строкой // Звезда. 1989. № 9; Из книги «Оглядываясь назад» // Звезда. 2002. № 4.

Лит.: Маслин Н. Вениамин Каверин // Новый мир. 1948. № 4; Галанов Б. Тема и ее воплощение // Знамя. 1952. № 11; Либединский Ю. Высокое призвание // Огонек. 1952. № 31; Сарнов Б. Перечитывая Каверина // Лит. газ. 1962. № 17; Гор Г. Писатель и наука // Русская лит-ра. 1962. № 3; Арьев А. Собеседник // Звезда. 1977. № 4; Чудакова М. В свете памяти // Новый мир. 1978. № 3; Арьев А. История молодости. Звезда. 1982; № 4; Амузин М. В поисках чудесного сплава // Нева. 1983. №10; Новикова О., Новиков Вл. В. Каверин. М., 1986; Чудаков А. П. В России надо жить долго // Новый мир. 1990. № 7; «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»: К 100-летию со дня рождения В. А. Каверина. М., 2002.

А. Ю. Арьев

КАЗАКЕВИЧ Эммануил Генрихович [11(24).2. 1913, Кременчуг — 22.9.1962, Москва] — прозаик, поэт; писал на еврейском и русском яз.

Родился в семье учителей. Впоследствии его отец был журналистом, редактором первых на Украине газет и журналов на еврейском яз. Для будущего писателя отец был другом, наставником, первым критиком. В 1924 вместе с родителями К. приехал в Харьков. В их доме постоянно бывали известные деятели еврейской культуры — поэты, прозаики, артисты: П. Маркиш, Л. Квитко, С. Михоэлс и др. Окончив семилетку, К. поступил в профтехшколу, преобразованную впоследствии в машиностроительный техникум. Уже в это время он, по воспоминаниям сестры и друзей, много писал, занимался переводами, редактировал школьный рукописный журнал.

В 1931, увлеченный пропагандистскими лозунгами тех лет, К. уехал на Дальний Восток, в Биробиджан. «Разыгрывалось великое

и тяжелое сражение с вековой российской отсталостью, именуемое первой пятилеткой. Я бросился в это сражение со всем пылом 18 лет, энтузиаста, сына большевика... Дальний Восток стал моей второй родиной», — вспоминал он.

К. работал на корчевке леса, руководил строительством Дома культуры, был инструктором по культурной работе среди переселенцев, председателем колхоза, директором театра, сотрудничал в местных газ. В эти годы он писал много стихов на еврейском языке (идиш), переводил Лермонтова, Гейне, лирику Маяковского и его поэму «Во весь голос». Для местного театра перевел на еврейский язык «Уриэля Акосту» К. Гуцкова и пьесу Л. Рахманова «Профессор Полежаев». Написал несколько пьес, которые шли на сцене театра в Биробиджане. В 1938 К. переехал в Москву. В 1939 вышел сб. его стихов «**Ди гроссевельт**» («**Большой мир**»). В 1941, 5 мая, был подписан к печати роман в стихах «**Шолом и Хаве**». Когда книга вышла, ее автор уже был на фронте.

В 1941 К. вступил в народное ополчение, участвовал в осенних боях под Москвой, затем попал во Владимир, в запасную бригаду. Был откомандирован в бригадную газ., где писал все — от передовиц до фельетонов в стихах. Казалось, его ждал обычный путь мн. профессиональных литераторов, которые ушли на фронт, а потом стали, в большинстве своем, работать в военной печати или корре-

Э. Г. Казакевич